

Валерий Михайлов

ГЛАВА 23

Валерий Михайлов

Глава 23

«Издательские решения»

Михайлов В.

Глава 23 / В. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744802-8

«Глава 23» — это антиутопический детектив, темой которого является тотальный контроль над человеческим сознанием. Главный герой романа — санитарный инспектор Денис Паркин. Его задача устранить последствия внештатной ситуации, возникшей в одной из лабораторий Главной Санитарной Инспекции — самой могущественной организации в мире, появившейся сразу после Второй мировой войны и ставшей главным монополистом в области секретных исследований.

ISBN 978-5-44-744802-8

© Михайлов В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 23	6
Глава 23	9
Глава 23	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 23

Валерий Михайлов

© Валерий Михайлов, 2018

ISBN 978-5-4474-4802-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«В начале шестидесятых Берроуз знал некоего капитана Кларка, который плывал на пароме из Танжера в Испанию.

Однажды Кларк сказал Берроузу, что за 23 года, которые он плавает на пароме, у него не было ни одного происшествия. В этот же день паром затонул, потянув на дно Кларка и всех пассажиров на борту. Вечером того же дня Берроуз, размышляя об этом, включил радио. В первом блоке новостей сообщалось о крушении самолета компании Истерн Эйрлайн, летевшего по маршруту Нью-Йорк – Майами. Летчиком был другой капитан Кларк, и рейс значился под номером 23».

После этого Берроуз начал собирать данные о странных совпадениях. К его удивлению во многих из них фигурировало число 23. Когда он рассказал об этом мне, я начал проводить собственное расследование – и тоже выяснил, что во многих катастрофах тоже задействовано число 23».

Роберт А. Уилсон «Космический триггер».

Глава 23

Контроль, религиозный либо политический, должен существовать, поскольку население требует порабощения. Только тогда, когда оно чувствует, что его поработили достаточно, диссиденты могут коллективно поворчать. Разногласие – немогущая форма притязания. Притязание – немогущая форма творения. Уравниловка – это состояние, когда обществом правят капризы самых низших его слоев, сила которых кроется только лишь в их числе. В качестве пищи их мясо хуже мяса хорошей телушки или осеннего ягненка. Если какая-то часть света является кучей говна, будьте уверены, что такой ее сделали уравнители. Пусть этот навоз будет разбросан там, где он принесет хоть какую-то пользу.
Антон Шандор Лавей «Записная книжка дьявола».

Возможно, эта история началась еще хрен знает в какие времена, когда кретину по имени Ахилл зачем-то понадобилось догонять черепаху. Большинство из нас на его месте сделали бы из нее суп, но Ахилл был человеком вежливым, рассудительным и уважающим логику, поэтому, когда черепаха обратилась к нему на прекрасном греческом тех времен и сказала:

– Простите, сэ,р, но вы никогда не сможете меня догнать, – он не послал ее, куда следует, а вежливо спросил:

– Позвольте поинтересоваться, на чем основано ваше мнение?

– Это же элементарно, Ватсон, – сказала ему черепаха, закуривая сигару, – для того, чтобы догнать меня, тебе придется сначала прийти в ту точку, с которой я начала движение (Черепаха стартовала на каком-то расстоянии от Ахилла, разумеется, впереди него). Но к тому времени, когда ты, мой друг, окажешься в точке моего старта, я уже несколько перемещусь вперед, – продолжила черепаха, когда Ахилл согласился с первым ее утверждением, – и мы вновь окажемся в такой же ситуации, как при страте: я впереди, ты сзади. И так будет продолжаться до бесконечности, потому что каждый раз, как только ты достигнешь моей стартовой позиции, я буду немного впереди. Но это еще не все, ты вообще не сможешь сдвинуться с места, – ошаршила черепаха Ахилла, который, убедившись в правоте ее слов, решил запить этот вопрос вином, разбавленным прекрасной, ключевой водой, еще не познавшей ужаса совмещения канализации и водопровода.

– Этого не может быть! – воскликнул Ахилл.

– И, тем не менее, это так, – с сочувствием в голосе заметила черепаха. – Для того чтобы прийти в мою стартовую позицию, пусть расстояние от тебя до нее будет X , тебе сначала надо будет пройти половину этого расстояния ($1/2$) X , а для этого половину той половины или ($1/4$) X , и так далее. И твой путь или X будет равен:

$$X = X/2 + X/4 + X/8 + \dots + X/\text{бесконечность}.$$

Согласись, что при любом значении x большем нуля, тебе придется преодолеть бесконечное число отрезков, а это, друг мой, не языком ворочать.

С тех пор незнакомый с теорией рядов и замороженный словом «бесконечность» Ахилл торчит там, где повстречал злополучную черепаху.

Санитарный инспектор Денис Паркин тоже не знал теорию рядов, но он был не из тех простофиль, что любят трепаться с черепахами, поэтому он всегда преодолевал необходимые расстояния, когда был в настроении переместиться куда-нибудь в пространстве.

Был он крепким, но худым 44-летним человеком в прекрасной физической форме. Рост 176 сантиметров. Вес 65 килограммов. Не женат, бездетен, симпатичен, хоть и не красив.

Он медленно шел по аллее Победы в сторону заведения под названием «Театр». Еще в девяностые там был прекрасный, можно даже сказать, один из лучших борделей во всей округе, принадлежавший мадам Вонг. Но в 98 она продала его Обществу Божьего Гласа и исчезла со своими девочками в неизвестном направлении.

Обосновавшись в бывшем борделе, Общество открыло там «Театр», где устраивало еженедельные шоу братьев Бенни и Вито Марио, ассистировала которым Девственная Марта. Бенни был от рождения глухим, но умел говорить. Вито, наоборот, был немым, но прекрасно слышал и даже неплохо играл на пианино. Обоим было под пятьдесят. Марте – чуть больше сорока. Главным ее уродством была девственность, которую, будучи Невестой Бога, она хранила как зеницу ока. В том, что это уродство, санитарный инспектор не сомневался. Он считал, что если баба осталась девственницей после 25 лет, у нее как минимум что-то не в порядке с головой, и с такими лучше не связываться.

Шоу, как и большинство подобных мероприятий, строилось по принципам гипнотического сеанса. Кроме стандартных техник погружения в транс, которую использовали еще древние шаманы, «Общество Божьего Гласа» эксплуатировало последние достижения технологии. Зал был оборудован генераторами, создающими вибрации, погружающие людей в транс.

Шоу состояло из патетических речей, поставленных специалистами НЛП; исполняемых хором гимнов (публике предлагалось взяться за руки и раскачиваться в такт музыке); читаемых речитативом молитв и прочей подобной чепухи.

Когда публика созревала, начиналось главное: На сцене появлялась Девственная Марта, одетая под стать тем шлюхам, что раньше обитали в заведении. Елейным голосом она объявляла, что 23 года назад Господь явил чудо. Он избрал братьев Марио для прямого общения с людьми, сделав одного из них глухим, а другого немым. Разочаровавшись в лжецах-священниках, Господь сам решил выслушивать чаяния народа, используя для этого уши немого Вито, а чтобы он не начал от имени Бога нести отсебятину, своим Гласом Господь решил избрать голос глухого Бенни, неспособного по причине полной глухоты слышать вопросы, на которые через него отвечает Господь. По ее словам, подобные обстоятельства практически сводили на нет возможность какого-либо жульничества. Себя же Марта представляла как смиренную служанку избранных Богом братьев.

Стоило ей замолчать, как в зале начиналось нашествие варваров на Рим. Все лезли вперед, чтобы успеть задать свой вопрос Богу. Насладившись оргией массового идиотизма, Марта громко приказывала:

– Стойте!

К тому моменту она уже полностью контролировала сознания большинства зрителей, и ее приказ заставлял замереть всех разом. Со сцены это выглядело потрясающе.

– Вернитесь на свои места, – говорила она после небольшой паузы. – Господь не может отвечать отдельно каждому из вас, но он может ответить сразу всем вам. Для этого нам надо создать один общий вопрос.

Дальше следовала инструкция. Участникам давалось около пяти минут на формулирование вопроса. Затем звучал гонг, после чего одновременно все страждущие громко выкрикивали свои вопросы.

Еще через пару минут глухой брат Марио начинал нести чушь от лица Господа, которая воспринималась всеми, как величайшее из откровений.

После этого звучала благодарственная молитва, и собрание объявлялось закрытым. Это удовольствие стоило более сотни пиастров – сумма, на которую можно скромно прожить около месяца.

Отдав на входе причитающуюся мзду, санитарный инспектор занял место с краю на последнем ряду и погрузил свое сознание в межпиксельное пространство, где каждое мгновение было вечностью, а каждая вечность – мгновением... Санитарный инспектор регу-

лярно практиковал измененные состояния сознания. Они спасали его от вездесущего промывания мозгов, под гнетом которого находятся практически все представители человечества. К тому же это было настолько приятно, что он давно уже отказался от употребления алкоголя и легких наркотиков, чем иногда грешил раньше.

Перед окончанием собрания санитарный инспектор незаметно выскользнул из зала и юркнул в одно из множества служебных помещений, открыв замок универсальным ключом.

Было около двух часов ночи, когда в зале вновь заиграл рояль. Похожий на уменьшенную копию Карла Маркса Малыш Вилли извращался над государственным гимном. За это и за молчание он получал до пятисот пиастров за выступление.

Пора, – решил санитарный инспектор, выходя из служебного помещения. В коридоре он проверил пистолет. Больше можно было не прятаться. «Святая троица» не посвящала в свои ночные проделки посторонних, иначе весь их бизнес пошел бы коту под хвост.

Поехав на девственности, Марта ни один член не подпускала к своей хранящей заводскую упаковку вагине, что не мешало ей творчески подходить к процессу перепихона, используя физические особенности богоизбранных братьев-уродов. Со временем у них выработался своеобразный ритуал, начинающийся с того, что малыш Вилли садился за пианино. Он начал играть на все лады государственный гимн. Под эту музыку Марта медленно раздевалась, возбуждая немного Вито, который имел ее сзади под все убыстряющуюся музыку и одобрительные возгласы Бенни.

Бенни вступал в игру вторым. Неспособный работать членом, он виртуозно владел языком, облизывая Марту с ног до головы. Особенно ему нравилось, когда она ссала ему в рот. Тогда он присасывался к ее вагине своим огромным ртом и не упускал ни капли девственной мочи.

Когда санитарный инспектор вошел в зал, Бенни облизывал Марте ботинки на высоких тонких каблуках. Не обращая внимания на любовников, санитарный инспектор подошел к малышу Вилли и приставил пистолет к его голове.

– Здравствуй, мой четвероногий друг, – сказал ему санитарный инспектор.

– Я не четвероногий, я двуногий, – ответил тот, продолжая играть.

– Печально слышать такое, ибо, если у четвероногого друга только две ноги, значит он калека или урод, – грустно сказал санитарный инспектор, нажимая на спусковой крючок.

Выстрел прогремел, как гром среди ясного неба. Девственная Марта завизжала и захала бедняге Бенни каблуком прямо в лопнувший от этого удара глаз.

Санитарный инспектор убрал оружие и спокойно вышел из здания на свежий воздух. Убедившись, что вокруг ни души, он сорвал с себя лицо, и бросил его на землю. Оно начало превращаться в бесформенную студенистую массу.

Глава 23

*У обратной стороны всегда есть обратная сторона.
Дзенское изречение.*

*Правда – это частный случай лжи.
Август к.*

Солнце медленно садилось за «горизонт». Оно было огромным, красным и каким-то... печальным. Печальное солнце... Абсурд. Откуда вообще взялось это ощущение печали? Санитарный инспектор стоял у окна и смотрел, как солнце садится за бесконечную вереницу крыш небоскребов. Его переполняло странное, непередаваемое чувство. Он был словно язычник, увидевший свое божество.

Дождавшись смерти последнего отблеска вечерней зари, Благородный Дон включил свет. Он закрыл папку и бросил ее на стол. Пора было возвращаться к делам. Интересно, сколько у такого человека, как Благородный Дон было в подчинении любимчиков, которым он, как и санитарному инспектору позволял «любоваться своими закатами»? Санитарный инспектор ни с кем не обсуждал этот вопрос. В Инспекции сентиментальность считалась пороком, и уличить в ней себя, не говоря уже о Благородном Доне...

Понимая это, он мог часто любоваться закатом. Такова была его привилегия. В Инспекции многие имели свои маленькие привилегии. Одни могли опаздывать на работу чуть ли не каждый день, и начальство этого не замечало, другие не ходили на собрания, третьи уходили раньше домой, четвертые никогда не работали по выходным... Санитарный инспектор «выбрал» закат.

Как писал в своих книгах Чарльз Форт, на Земле регулярно происходят события, которые официальная «Наука» старается не замечать по той простой причине, что они не вписываются в современную научную парадигму. Так, например, «в 1772 году французская Академия назначила специальный комитет, членом которого был Лавуазье, для расследования сообщения о том, что в городке Люс во Франции упал с неба камень. Из всех попыток достигнуть позитивности в ее аспекте изоляции я не знаю ничего, что отстаивалось бы с большим упорством, чем представление о несвязности этой земли с внешним пространством. Лавуазье произвел химический анализ камня из Люса. В то время объяснение эксклюзивистов состояло в том, что камни не падают с неба; что иногда, видимо, какие-то светящиеся предметы, по видимому, падают и что горячие камни могли быть подобраны в том месте, где как будто упал светящийся предмет – всего лишь молния ударила в камень, нагрела или даже расплавила его.

На камне из Люса были видны признаки расплавления.

Проделанный Лавуазье анализ «абсолютно доказал», что этот камень не упал: что он подвергся удару молнии.

Вот так, авторитетно, падающие камни были прокляты. Шаблонным способом исключения остались объяснение молнией, которая, как кто-то видел, что-то ударила – то, что находилось на земле еще до того».

(Чарльз Форт «1001 забытое чудо. Книга проклятых»).

К сожалению, в подобных обстоятельствах нынешние «научные комитеты» ведут себя точно так же.

Что только ни сыпется на нас с небес! Это и огромные куски льда, и снежинки, величиной с салфетку, и каменный уголь, и шлак, и лягушки, и рыба живая, и рыба засушенная, и черви, и личинки насекомых, и улитки, и «странное варьирующее по цвету от красноватого

до желтоватого, вещество», и совершенно черный дождь, и красный дождь, и вязкое вещество красного цвета, похожее на свернувшуюся кровь и многое-многое другое.

А летом 1957 года в районе поселка Мухтуя с неба упали человеческие младенцы. Их было 12. Живые, голые, они лежали на земле, и громко кричали, размахивая руками и ногами. Буквально через несколько часов к местной школе, где временно разместили детей, подъехал вездеход, на котором дети были перевезены на территорию ближайшей базы Главной Санитарной Инспекции или ГСИ – самой могущественной организации в мире, появившейся сразу после Второй мировой войны и ставшей главным монополистом в области управления человеком.

О том, что пришлось пережить этим детками в лаборатории, Благородный Дон распространяться не стал, а санитарный инспектор вообще предпочел не думать: меньше знаешь – дольше живешь. Одно было известно наверняка: никому, даже самому отъявленному Кафке не пришло бы в голову то, что делали со своими подопечными мужчины и женщины в белых халатах и с добрыми улыбками на лицах.

В 1969 году в лаборатории произошла «внештатная ситуация», в результате которой ее пришлось закрыть на несколько лет. Тогда бюрократы поспешили написать в отчете, что ситуация взята под контроль, а все объекты «С» дисфункционализированы. На самом же деле произошла утечка: минимум один человек, Курт Моррис – старший лаборант, а до этого перспективный сотрудник одного из отделений Аненербе сумел избежать дисфункционализации.

Все эти годы Курту Моррису удавалось каким-то образом скрываться от всевидящего ока Главной Санитарной Инспекции. Засветился он самым дурацким образом: попал в больницу с сердечным приступом, где у него взяли на анализы кровь, дерьмо и мочу. Такая оплошность была аналогична явке с повинной.

– Твоя задача ликвидировать все последствия этой утечки любым способом и любой ценой, – медленно произнес Благородный Дон, введя санитарного инспектора в курс дела. – ВСЕ последствия, – повторил он.

– Каков мой статус в этой операции? – спросил санитарный инспектор, заранее догадываясь, каким будет ответ.

– Боюсь, мой мальчик, на этот раз тебе придется действовать вне статуса, – ответил Благородный Дон.

Это означало **ВСЕ СЕРЬЕЗНЕЙ, ЧЕМ ТЫ МОЖЕШЬ ПРЕДПОЛОЖИТЬ**, и еще, **ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ**.

– Разрешите идти? – спросил санитарный инспектор.

– Иди, – устало ответил Благородный Дон.

Курт Моррис, а ныне Стив Кайман обосновался в Джонсвилле – тихом, спокойном городишке на Среднем Западе США. Санитарный инспектор был там уже к вечеру следующего дня.

На входной двери Морриса, он жил в типовом доме, расположенном в спальном районе города, санитарный инспектор обнаружил записку на латыни (официальном языке ГСИ): «Я в кафе „Фламинго“ на соседней улице». Моррис был уже не в том возрасте, да и не в том настроении, чтобы играть в погони и слежки. Когда санитарный инспектор вошел в кафе, Моррис работал над сладким пирогом и кофе.

Был он маленьким, высохшим стариком. Его лицо имело болезненно желтый цвет. Подбородок немного подрагивал, но в глазах все еще читалась живость ума.

– Надеюсь, вы не сильно спешите? – спросил Моррис, когда санитарный инспектор подсел за его столик, – не хотелось бы оставлять такой замечательный пирог.

– Рекомендуете?

– Здесь его готовят великолепно.

– Тогда я тоже себе закажу.

– Не пожалеете.

Насчет пирога Моррис не обманул, он действительно был выше любой похвалы, а вот кофе не выдерживал никакой критики.

– Вы на машине? – спросил Моррис, покончив с пирогом и закуривая сигару, – здесь неподалеку есть прекрасное место, где мы могли бы поговорить. Насколько я понимаю, сначала вы хотели бы задать мне пару вопросов?

– Вы правильно все понимаете, – ответил санитарный инспектор. – И я на машине. Взял на прокат.

Прекрасным местом была беседка на берегу пруда. Солнце уже зашло за горизонт. Лягушки соревновались в виртуозности исполнения своих арий. Распустились ночные цветы, и воздух был пропитан их ароматом. Место действительно было сказочным и на удивление безлюдным.

– Чем могу быть полезен? – спросил Моррис, когда они сели на скамейки напротив друг друга.

– Меня интересует внештатная ситуация в Сибири в 1969 году.

– Внештатная ситуация... – он рассмеялся. – Не было никакой внештатной ситуации. Эксперимент вышел из-под контроля. Это да. Мы получили совершенно не то, что ожидали, и имели глупость сообщить об этом наверх. Нас просто прикрыли. Многих прикрыли совсем, надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь?

– Поэтому вы и сбежали из лаборатории?

– Сбежал... – он снова рассмеялся. – Я оказался не нужен, и решил исчезнуть сам, до того, как ГСИ направит ко мне пару громил. Подобная предусмотрительность позволила мне передвинуть дату собственной смерти с 1969 на 2001 год, а это, согласитесь, довольно длительный срок.

– Как вам удалось оставаться в тени столько лет?

– Я вас умоляю, неужели вы, зная, как работает система, не сможете, при желании, от нее уйти?

– Только до поры до времени. Вас ведь тоже нашли.

– У меня рак кишечника. Операцию делать бесполезно. Скоро опухоль полностью закроет кишку, и тогда рот начнет выполнять функции жопы. Я хочу уйти раньше.

– Скажите, а кто-нибудь еще сумел исчезнуть, как вы?

– Не знаю. В тот момент я как-то мало интересовался судьбой коллектива, а позже...

– Но вы не исключаете такой возможности?

– Обратитесь в Виши. Они сейчас работают над весьма интересным препаратом. Называется он Кероген.

– В первый раз слышу.

– Разумеется. Об этих вещах не принято говорить за коктейлем.

– Откуда, в таком случае, вам стало о нем известно?

– Этот секрет я, пожалуй, унесу в могилу.

– Предлагаете перейти к десерту?

– Мне все равно больше вам нечего сказать.

– Как пожелаете.

Санитарный инспектор достал из кармана конфету с ярким, цветным фантиком.

– Вы позволите мне встретиться с ней тет-а-тет? – спросил Моррис.

– Я должен убедиться, что вы съели гостинец.

– Вы же знаете, что я это сделаю.

– Хорошо, – вопреки всяким правилам согласился санитарный инспектор, – я подожду в машине.

– Благодарю вас.

Когда санитарный инспектор вернулся в беседку, Моррис был мертв. На его лице застыла довольная улыбка.

Лаборатория в Виши расположилась на территории, а, вернее, под территорией частной бальнеологической лечебницы. Каждый из 25 ее этажей был независимым «королевством», занимающимся подчас фантастической деятельностью. Сверху над этой машиной отдыхали «на водах» ничего не подозревающие толстосумы.

Санитарного инспектора уже знали в Виши. Судьба дважды заносила его в этот сюрреалистический подземный мир, чья реальность значительно превосходила любое воображение. Не даром для получения допуска на территорию лаборатории надо было подавать запрос чуть ли не на имя Генерального Координатора ГСИ.

– Ты уверен? – спросил Благородный Дон, когда санитарный инспектор закончил отчет. Вопрос был дурацким, но утечка информации из Виши!..

– Откуда-то ж Моррис узнал об этом керогене.

– Хорошо, я устрою тебе пропуск и заявку на кероген. А там действуй по собственному усмотрению.

Виши встретил санитарного инспектора пеклом. Его рубашка стала мокрой от пота, едва он вышел из здания вокзала.

– Пятерочка, – сказал таксист, когда он назвал адрес курорта.

– Более трех пиастров не дам, – ответил санитарный инспектор.

– Тогда вам придется пересесть в другую машину.

– Только после того, как узнаю вашу фамилию, – с милой улыбкой произнес санитарный инспектор.

Недовольный таксист резко рванул с места.

Заплатив ровно три пиастра, санитарный инспектор вышел из машины, нарочито сильно хлопнув дверью. Будь водитель знаком с вежливостью, он бы получил свою пятерку, но хамов санитарный инспектор не переносил на дух.

– Что вы хотели? – спросил охранник, когда санитарный инспектор подошел к старинной работы кованым воротам.

– Я ищу господина Жура.

– Он ждет вас в девятом корпусе. Знаете дорогу?

– Да. Я уже раньше здесь бывал.

Девятый корпус был единственным невзрачным зданием, застенчиво стоящим в самом дальнем углу курорта. Толкнув входную дверь, санитарный инспектор столкнулся нос к носу с «санитаром», который его бы уничтожил, попытайся он проскочить мимо.

– Кого-то ищите? – участливо спросил санитар.

– Мне нужен господин Жур. Пропуск в кармане рубашки.

Ни в коем случае нельзя было даже пытаться достать пропуск самому. Такая ошибка стоила бы жизни.

– Проходите, – сказал санитар, внимательно осмотрев пропуск.

Лифт был тем же: кафельный пол, кафельные стены, кафельный потолок. Белое кубическое помещение со стороной в 2 метра. С центра потолка свисала лампа в круглом плафоне. Управлялся лифт снаружи, причем двери открывал диспетчер, находящийся на уровне прибытия – это исключало возможность несанкционированного проникновения на территорию базы.

Лампа несколько раз моргнула, и лифт отправился вниз, быстро набирая скорость. В животе санитарного инспектора появилось ощущение, которое возникает на качелях.

Через несколько секунд лифт остановился. С легким шелчком открылись двери, и санитарный инспектор оказался в коридоре «Комитета КЕРОГЕН». Его встречал охранник – пожилой мужчина в военной форме без знаков отличия.

– Прошу вас за мной, – сказал он.

Председатель «Комитета КЕРОГЕН» Лейб Фриман, высокий, тощий еврей лет 45 ждал в комнате для свиданий, расположенной сразу же возле лифта – еще одна мера безопасности, не позволяющая визитеру стать свидетелем лишнего.

– Чем могу быть полезен? – спросил Фриман, пригласив санитарного инспектора сесть в удобное кожаное кресло.

– Я хотел бы поговорить с вами о керогене.

– Откуда вам стало известно о нашей разработке? – испуганно спросил Фриман. Утечка информации грозила ему большими неприятностями.

– Боюсь, что я не вправе разглашать эту информацию. Мне очень жаль.

– Я понимаю.

– Насколько мне стало известно, кероген позволяет увидеть след, оставленный нами в прошлом. Мне это необходимо для расследования одного дела. Заявка должна быть уже у вас.

– Все правильно. Люди, как, впрочем, и другие живые существа оставляют после себя некий след. Кероген позволяет его видеть. Должен вас предупредить: прием керогена заставит вашу нервную систему собирать несколько иную реальность, чем та, к которой вы привыкли, в результате вы окажетесь один на один с необъяснимым. Подобный шок может свести с ума. Думаете, почему мы все так стремимся к объяснениям?

– Боюсь, господин Фриман, из меня не выйдет хорошего теоретика.

– Объяснения дают нам иллюзию устойчивости, и неважно, от лица «Науки» они или церкви. Главное, чтобы все было устойчиво, объяснимо и незыблемо. Иное восприятие реальности способно превратить в параноиков подавляющее большинство обывателей. Так что хорошенько подумайте, прежде чем принимать кероген.

– Где я могу его получить?

– Держите, – Фриман достал из кармана и поставил на стол пузырек с несколькими серебристыми капсулами, – этого вам должно хватить за глаза.

– Благодарю вас, – произнес санитарный инспектор, вставая с кресла.

У входа в лечебницу он столкнулся с Бобом и Питом – парнями из отдела собственной безопасности.

– Привет, Ден, как дела? – приветливо спросил Боб.

– Ничего, а у тебя?

– Да вот, работы подвалило. Надеюсь, ты там уже закончил?

– Можешь приступать.

– Это хорошо. Завтра у Мэри (жена Боба) день рожденья. Хотелось бы успеть.

– Что ж, удачи.

– Спасибо, Ден.

Внешне Боб выглядел, как добряк-жизнелюб. Он был немного полноват, но это его не портило. Боб был обаятельным, всегда тихим, всегда вежливым, всегда спокойным. Он мог, например, присоединяя электроды к гениталиям перед предстоящей пыткой с совершенно искренним участием спросить:

– Вам не давит?

А потом включить ток... Эта его манера поведения в духе доброго доктора Айболита во время наиболее жестоких пыток сильнее боли добивала клиентов.

Однажды он поймал свою дочку под кайфом. Траву он и сам периодически покуривал, не считая это чем-то из ряда вон выходящим, и будь дочка под анашой, он попросту бы этого не заметил, но она была под героином, а эту дрянь Боб ненавидел всей душой. Ему не составило труда отыскать втянувшего ее в это дело типа. Не долго думая, Боб запер обоих в соседних клетках в одном из подвалов, которыми пользовалась ГСИ для душевного разговора с клиентами. В течение двух недель дочка Боба, что называется в круглосуточном режиме, наблюдала,

во что наркотик превращает человека. Через две недели Боб заявился в подвал с изрядной порцией чистейшего героина, который вывалил в говно доведенного до сумасшествия торчка.

– Можешь ширять эту дрянь сколько хочешь, – сказал он дочке, когда ее незадачливый друг жадно жрал собственное говно, – но знай, что когда-нибудь кто-то сделает что-то похожее и с тобой.

Из солнечной Франции санитарный инспектор отправился в Сибирь, на базу, где когда-то содержались упавшие с неба дети. На аэродроме в Мирном он пересел из самолета в военный вертолет, на котором прибыл в затерявшуюся среди болот воинскую часть.

Выйдя из вертолета, санитарный инспектор убедился в том, что Сибирь является родиной летающих кровососущих слонов. Комаров была тьма, и самый маленький из них был размером с курицу.

– Теперь я понимаю, – сказал он дежурному офицеру, – почему у вас особо отличившихся привязывают на ночь голышом к дереву.

– Это еще так, комарята, – с непонятной гордостью в голосе ответил тот.

Воинская часть состояла из казармы, общежития для офицеров и членов их семей, нескольких складов и одного ангара с техникой, возле которого располагилась посадочная площадка для вертолета. Называлось это уныние Ленск – 8.

Лифт находился в подвале одного из складов, доверху забитого начавшим преть тряпьем. Внизу санитарного инспектора встретил симпатичный парень лет тридцати.

– Николай Свиридов, – представился он, – можно просто Коля. Полковник Герасимов вас ждет.

Несмотря на воинское звание и форму, полковник походил на стареющего хиппи. Чуть старше 40. Длинные волосы, большие солнцезащитные очки, борода. Вылитый Леннон в Горках, – подумал санитарный инспектор.

– Чем могу служить? – спросил полковник, угостив гостя крепким душистым чаем из местных трав.

– Вы могли бы мне рассказать о внештатной ситуации 1969 года?

– Как вы понимаете, тогда здесь командовал не я, – ответил полковник, – но я могу предоставить вам все отчеты.

– Спасибо. Отчеты я уже видел.

– Больше ничем не могу помочь.

– Скажите, а если бы кто-либо из «Падающих звезд» (так официально называли упавших с неба детей) сумел выжить, да еще оказаться на воле... Что бы вы могли сказать о таких людях.

– Я ни за какие коврижки не согласился бы столкнуться с кем-либо из них. Представьте себе: непонятно кто и откуда проходит полный курс на базе... Здесь пытались вырастить монстров, по сравнению с которыми киношные пугала – жалкие неудачники.

– Понятно, а что-либо сохранилось от старой лаборатории?

– Только сектор 9. Мы не стали приводить его в порядок, так что там жуткий бардак.

– Я хотел бы погостить там пару дней.

– Я не против, только вы вряд ли захотите там остаться. Как я уже говорил, жуткий бардак.

– Ничего, я привык к спартанским условиям.

Сектор 9 напоминал полигон после испытания серьезного оружия. Всюду была копоть. Постоянно приходилось перешагивать через искореженный металл. Местами с потолка сочилась ржавая, пахнувшая хлоркой вода.

С горем пополам санитарному инспектору удалось найти более или менее подходящую комнату, куда бойцы принесли раскладушку, тумбочку и подобие стула.

Забравшись на раскладушку, он достал из кармана похожую на маленькую жемчужину капсулу керогена и ненадолго задумался, взвешивая за и против. Собравшись с духом, он проглотил таблетку. Она подействовала наиболее неприятным образом: никак. Приготовившийся к погружению в кроличью нору инспектор провалился в сон без сновидений. Вернее, почти без сновидений. Перед самым пробуждением ему приснилась одна единственная фраза: «Кафе на Литтл-стрит 15».

Можно было возвращаться домой.

Как оказалось, кафе с таким адресом находилось в бандитском районе Лондона.

Лондон встретил санитарного инспектора смогом, огнями и дождем.

В кафе было практически пусто. Несколько человек сидели на табуретах за стойкой. Столики, за исключением двух или трех, были свободны. Осмотревшись, санитарный инспектор выбрал столик, сидя за которым можно обозревать весь зал.

– Пива и чего-нибудь, пожалуйста, – сказал он подошедшей принять заказ милой девушке чуть старше 20 лет.

Чем-нибудь оказались жареные сосиски. Еда и напиток выглядели вполне прилично, но санитарный инспектор решил все-таки принять таблетку стабилизатора, позволяющего употреблять чуть ли не дохлятину, приготовленную на отработанном машинном масле. Сейчас ему ни под каким видом нельзя было терять форму.

– Вы не будете возражать? – спросил санитарного инспектора совершенно неуместный там тип, садясь за его столик. Это был высокий, атлетически сложенный мужчина 30 – 35 лет. На его красивом, полностью покрытом татуировкой (рунические символы) лице играла немного детская улыбка. Одет он был в идеально сидящий костюм, белоснежную рубашку и строгие туфли ручной работы. Галстука и запонок в манжетах рубашки не было. Санитарный инспектор не заметил, как он вошел, но еще удивительней было то, что никто из посетителей не обращал на него внимания.

Официантка поставила перед ним бокал с древним, судя по запаху и цвету коньяком, таким, который подадут не в каждом дорогом ресторане.

– Я твой Белый Кролик, – сказал татуированный парень санитарному инспектору, пригубив коньяк, – пойдём.

Выпив залпом напиток, он встал из-за стола и направился к выходу. Оставив несколько пиастров на столе, санитарный инспектор последовал за ним.

Выйдя из кафе, незнакомец перешел на другую сторону улицы, прошел через обшарпанный проходной двор, свернул еще несколько раз, затем вошел в подъезд предназначенного под снос дома. За всю дорогу он ни разу не обернулся, однако санитарный инспектор не сомневался, что незнакомец не терял его из виду. Он, не раздумывая, вошел в подъезд вслед за незнакомцем. На первом этаже была приоткрыта дверь слева. Решив, что это приглашение, санитарный инспектор вошел внутрь. Незнакомец был там. Только здесь санитарный инспектор увидел, что у того ярко-желтые глаза с вертикальными, как у кошек зрачками.

– Я твой Белый Кролик, – вновь сообщил он. – Я привел тебя к норе. Ищи Фантомов. Через них ты найдешь вход. Но будь осторожен, – его глаза вспыхнули красным огнем, и санитарный инспектор увидел мужской силуэт, – он знает, что ты идешь...

В следующее мгновение санитарный инспектор открыл глаза. Он все еще находился в Ленске – 8.

– Значит, будем искать фантомов, – сказал он себе, вставая с раскладушки.

В полицейском управлении, как всегда, царили бардак и толкотня. Люди носились, размахивали руками, курили, толпились у кофейных автоматов. Каждый создавал видимость

работы, как мог. Владимир Лемм сидел с умным видом за компьютером, на экране которого плакатно-патриотического типа молодец отбивался от толпы монстров.

– Привет защитникам улиц! – санитарный инспектор хлопнул по плечу Лемма.

Рука Лемма дернулась, и молодец тут же получил смертельный удар.

– Твою мать! Ты меня убил на 14 уровне! – Лемм готов был растерзать виновника своего поражения.

– Я всегда говорил, что это дерьмо до добра не доводит. Здравствуй дружище! – санитарный инспектор ехидно осклабился.

– Привет.

– Как поживает наша доблестная полиция?

– Как видишь.

– Мне нужна информация о Фантомах.

– Было у нас такое дело.

Лемм с сожалением посмотрел на экран, где еще тлели кости погибшего в неравном бою героя.

– Четырнадцатый уровень, черт возьми! Еще чуть-чуть и я бы увидел королеву! – выматерившись, он переключился на полицейские файлы.

– Вот, тебе распечатать? – спросил он минуты через три.

– Можешь скинуть на дискету.

– Только если у тебя с собой. У нас с этим сейчас строго.

– С собой, с собой, – успокоил его санитарный инспектор.

– Пойдем тяпнем пива, – предложил Лемм, закончив копирование файлов.

Они просидели «за кружкой пива» до закрытия, и санитарный инспектор вернулся в гостиницу изрядно веселым и довольным собой. Спать не хотелось, и после чашки крепкого кофе и душа он сел за компьютер.

Людмила Родис была найдена мертвой в прихожей собственного дома. Она даже после смерти оставалась красивой. Аристократическая семья, карьера. Человек года, лауреат нескольких престижных премий, и это все в ее годы. Замужем. Муж... Ага. Роберт Родис, стипендиат, не богатый, звезд с неба не хватает. Приятный. Санитарный инспектор положил рядом их фотографии. Красивая пара. Он что?.. Ага! Пропал без вести. Возвращались с презентации, выпили. Ну это еще не повод. Людмила была убита на пороге дома, после чего ее внесли внутрь. Никаких следов взлома. В доме ничего не пропало. Деньги, драгоценности на месте. А вот муж исчез. Полиция во всем обвинила его, что, кстати, и следовало от нее ожидать. Вот только зачем ему ее убивать?

Следующие две жертвы исчезли через пару месяцев с промежутком в неделю. На этот раз мелкие служащие. Жили в тихом районе. Никогда друг друга не видели. Одинокие. Баб в дом не водили, не пили. Фактически, они исчезли еще при жизни. Никто, наверное, этого бы не заметил, если бы не случайность. Фото... Ну и рожи! Эти и родную маму зарежут. Соседи о них ничего толком не сообщили. Оба переехали недавно, причем из ниоткуда. Словно до этого они не существовали.

Санитарный инспектор набрал номер Благородного Дона.

– Линия проверена, можете говорить, – услышал он приятный голос секретарши.

– Это Паркин. Мне нужно срочно поговорить с Благородным Доном.

– Одну минуточку.

Санитарный инспектор поморщился, услышав одну из тех гнусных мелодий, под которые обычно заставляют ждать телефонного соединения.

– Что у тебя? – спросил Благородный Дон, даже не поздоровавшись. Принципиальный отказ от неинформативных фраз был его коньком.

– Необходимо надежное проникновение в дом Родисов, – санитарный инспектор назвал адрес. Благородный Дон записывал телефонные разговоры, поэтому повторять или уточнять адрес не было необходимости.

– Какие-то проблемы? – спросил Благородный Дон.

– Это нужно сделать тихо и без шума, чтобы не спугнуть, зверя. Возможно, у него есть с кем-то контакт. Возможно даже, он один из нас.

– Почему ты так решил?

– До боли знакомый почерк.

– Хорошо. Я что-нибудь придумаю.

Буквально на следующий день Расселы, так звали новых владельцев дома Родисов, отправились на похороны дальнего родственника, которого совершенно кстати (он оставил им хорошую сумму в наследство) переехал грузовик.

Убедившись, что за домом никто не следит, санитарный инспектор проник внутрь, открыв дверь отмычкой. Конечно же, новые хозяева все переделали, и искать следы Родисов в жилой части дома было бесполезно. Оставались подвал или чердак. С подвалом санитарному инспектору не повезло. Там все сияло после недавнего ремонта, зато на чердаке он обнаружил старую кровать, до которой у новых хозяев еще не дошли руки.

Поблагодарив всевышнего за этот подарок, он лег на нее и принял капсулу керогена. На этот раз сон пришел почти мгновенно, и вместе с ним – нестерпимая боль. Казалось, еще немного, и голова разлетится на мелкие кусочки, забрызгивая все мозгами и кровью. В глазах плавали разноцветные круги. В нос бил резкий тошнотворный запах. Саднило горло. Было больно дышать. В ушах выли миллионы бешеных котов. Он бежал, натываясь на стены, на деревья, на людей. Падал, снова вскакивал и бежал, подгоняемый проснувшимися дремучими первобытными инстинктами. Иногда у него в голове проскакивали какие-то картинки, похожие на слайды или на фотографии. Забор, еще забор, старая ржавая металлическая сетка. Пустырь с чахлым кустарником, листья вперемешку с мусором, какое-то тряпье. Инстинктивно, так и не понимая, что он делает, он зарылся с головой в кучу опавших листьев, которые в следующее мгновение стали ворохом забытых слов. Его органы чувств потеряли ориентацию, и запахи воспринимались глазами, а звуки на ощупь, как вонзающиеся в тело колючки. Потеря сознания спасла его от сумасшествия или смерти.

Неизвестно, сколько он находился между жизнью и смертью, пока в боли (он чувствовал их прямо в ней) не появились чьи-то голоса. Санитарный инспектор был не в состоянии разобрать слова.

Спустя вечность или мгновение, чувство времени у него тоже отсутствовало, он почувствовал губами край чашки и сделал осторожный глоток. Это было то, что нужно. Приятно горячая терпкая жидкость. Он выпил весь напиток. По телу прошла теплая волна. В голове немного прояснилось. Вакханалия сменилась низким монотонным гулом, который уже можно было терпеть. Один глаз приоткрылся, и санитарный инспектор смог разглядеть сквозь мутную пелену низкий потолок, тусклую лампочку и грязные серые стены. Скорее всего, подвал. Он лежал на куче прелых тряпок, но мучила его не вонь тряпья, а резкий неприятный запах, который шел из глубины памяти. Он был частью какого-то неприятного воспоминания, свернувшегося калачиком на краю подсознания, и теперь почему-то терзавшего его вонью.

Санитарный инспектор попытался приподняться, но сильная боль снова заставила его откинуться на импровизированное ложе.

– Да ты лежи, не рыпайся. Радуйся, что жив остался, – услышал он (еще было непонятно мужской или женский) голос. Голос продолжал что-то говорить, но каждое последующее слово становилось все тише и неразборчивей, словно говорящий удалялся от санитарного инспектора.

Он понял, что спал только когда проснулся. Самочувствие было намного лучше. Глаза открылись, шум в голове исчез. Тело почти не болело, но было ватным и не хотело слушаться. Он попытался сесть. Получилось с большими усилиями, но получилось.

То, что он принял за комнату, оказалось заброшенным давным-давно туннелем. На стенах еще оставались кое-где следы коммуникаций. Горели редкие тусклые лампочки, но об этом уже, скорее всего, позаботились его обитатели.

Тут же на полу в нескольких шагах от него сидели люди. Они что-то ели, оживленно беседуя.

– А, проснулся, иди к нам, – сказал один из обитателей туннеля.

Санитарному инспектору дали тарелку с бесцветной однородной массой. На вкус это месиво оказалось даже приятным, тем более что оживающее тело требовало своего.

Обитателей туннеля звали Шланг, Кэмэл, Петрович и Носатый. Больше всего они походили на семью приведенных за городом. Всклобоченные, небритые, в мешковатых однообразно-бесцветных тряпках с болезненными лицами, они словно сбежали из ночных кошмаров.

Самым молодым был Шланг. Свое прозвище он получил за феноменальную способность уклоняться от работы. Его лень компенсировалась талантом находить наименее трудоемкое решение поставленных задач. Невидимкой он стал после аварии.

Кэмэла прозвали так из-за горба. Он был призраком от рождения. Его мать, нищенка и алкоголичка, жила в подвале заброшенного дома. Там она и родила. Родился он нормальным, а горб получил в раннем детстве, когда мать его уронила спяну на пол. Его детство прошло в подвале, где он сидел безвылазно, пока нищенка не пропала без вести. Ушла на промысел и не вернулась. Какое-то время в нем боролись страх и голод, но голод оказался сильнее. Пришлось выбираться на улицу. Днем он прятался, а по ночам совершал набеги на помойки окраин, пока не встретил Петровича, который его приютил.

Петрович не любил распространяться о себе, поэтому о нем не было известно практически ничего.

Носатый был хакер-сектант. Он исповедовал электронную версию дзен-буддизма, ставшую очень популярной в последние годы. Как и многие другие, он гонялся за электронным аналогом nirваны, или кодом всеобщего слияния, пока совершенно случайно не нарвался на доэлектронную реальность. Он понял, что Мир не совсем таков, каким мы его видим, и бросил все свои сбережения на поиски Врат. Ему повезло, и он вошел в реальность во всеоружии, зная, что делает, и, зная, что будет делать дальше. Для призраков (тогда они действительно были призраками) он стал человеком номер один, превратив их слабости в силу.

Беспорно, когда-то давно цереброчип – устройство, вживляемое в нервную систему при помощи довольно простой операции, – стал панацеей практически от любых сенсорных дефектов. Позже их начали вживлять себе те, кто не видел жизни без виртуальных путешествий. Со временем цереброчипы стали частью системы тотального контроля. Они позволяли контролировать процесс сотворения реальности, начиная от сбора сенсорной информации, заканчивая превращением ее в картину мира, которую большинство из нас считает реальностью, как таковой.

Это упростило многие технологические процессы: теперь уже не надо было ломать голову над созданием красивых, удобных вещей, так как любой старый мешок мог выглядеть платьем от кутюр при наличии необходимого программного обеспечения. С другой стороны, наличие цереброчипа позволяло всегда и везде контролировать любого его носителя. Поэтому, когда цереброчипы стали достаточно простыми и надежными, – капля прозрачной, без запаха и вкуса жидкости в нос, и чип у тебя в голове, – цереброчипизацию сделали обязательной и всеобщей. Правда, было одно «но». Человеческая психика не была готова к восприятию подобного рода действительности, поэтому решили пожертвовать истиной ради всеобщего спокойствия,

и людей заставили забыть об этой процедуре, проводя цереброчипизацию под видом обычной прививки в первые дни жизни младенца. Причем ни родители ребенка, ни сами прививающие даже не догадывались об истинной цели этой прививки.

Так, решив завоевать виртуальный мир, люди застряли, подобно Винни-Пуху в кроличьей норе, на границе двух миров, повторив, тем самым, судьбу земноводных, которые точно также «застряли» на границе между водой и сушей.

Если по каким-либо причинам цереброчип разрушался, человек превращался и для себя, и для окружающих в неопознаваемый предмет. Это вызывало настолько сильный шок, что почти всегда носитель отказавшего чипа погибал практически мгновенно, а его труп уже идентифицировался, как труп. Иногда обезумевшие в результате отказа цереброчипа люди принимались за привидения, нечистую силу или пришельцев из космоса. За этими несчастными охотились специальные бригады «инквизиторов» – секретного подразделения ГСИ, сотрудники которого тоже не представляли себе, с чем имеют дело. Для этого их обучали не задаваться вопросами.

Носатый стал настоящим мессией для тех, кто сумел, оставшись без цереброчипа, выжить и не сойти с ума. Прежде чем навсегда покинуть виртуальный рай, он создал «Шапку-Невидимку» – устройство, позволяющее быть невидимым для любых электронных глаз. Затем он научился считывать информацию с цереброчипов покойников и загружать ее в имитирующее цереброчип внешнее устройство. Научившись становиться кем угодно по собственному усмотрению, он окончательно отключил собственный цереброчип.

В результате перед ним, а позже и перед другими невидимками открылись все двери. Система оказалась беззащитной. Они могли проникать, куда и когда им было угодно, исчезать и превращаться в других людей... А чтобы избежать серой унылости лишенной виртуального обмана действительности, существовали специальные очки, позволяющие воспринимать мир глазами цереброчипизированного человека.

Санитарному инспектору пришлось заново учиться жить. Он учился ходить, ориентироваться в пространстве, опираться на свои органы чувств, которые до этого были подавлены электронным дубликатом. Для него все стало иным: его тело, сознание, окружающий мир. В его новой реальности среди серых домов и серых обшарпанных автомобилей толкались люди в грубой бесцветной одежде. Они жили в яркой беззаботной лжи, такой же, какую до биочипизации для них создавали религия, реклама, вера в светлое будущее, патриотизм...

Санитарному инспектору понадобилось всего несколько недель, чтобы привыкнуть к новой жизни. Выбрав себе штук пять цереброчипов, он поселился в дорогой гостинице (на которую без спецочков страшно было смотреть). Адаптировавшись в новой реальности, он решил действовать. Санитарный инспектор всегда остается санитарным инспектором, а приказ всегда подлежит исполнению. Эти правила были введены в его сознание в качестве главных жизненных приоритетов. Он был обучен повиноваться, находить оптимальные решения и действовать, но никак не сомневаться в правоте того, кто ставил перед ним задачу.

Единственной ниточкой, связывающей его с делом «фантомов» был инспектор Лемм.

«Привет, это я. Надо поговорить. Давай завтра в полдень, там, где мы пили пиво» – наисал санитарный инспектор в электронном письме.

«Хорошо», – практически мгновенно ответил Лемм.

На следующий день около восьми утра санитарный инспектор был возле кафе – на всякий случай он решил понаблюдать за местом будущей встречи. Он выбрал чип интеллигентного 25-летнего парня.

Кафе находилось на тихой, закрытой для транспорта улице. Выбрав скамейку напротив входа, санитарный инспектор устроился там с бутылкой кока-колы и книгой. Часов в одиннадцать в кафе ненадолго вошел человек, показавшийся санитарному инспектору подозритель-

ным. За десять минут до полудня появился Лемм. Паркин поднялся со своего места. План был прост: он представляется Лемму собственным другом, а потом, по мере обстоятельств...

Когда Лемм вошел в кафе, прогремел взрыв.

Быстро, но не настолько, чтобы привлечь к себе внимание, санитарный инспектор пошел прочь. В туалете бара на соседней улице он, сменив цереброчип, превратился в старую, толстую негритянку с безумным взглядом. Только после пары порций водки он понял, почему посетивший кафе перед самым взрывом человек показался ему подозрительным: санитарный инспектор видел его досье. В ГСИ он значился, как Убийца Боб. Он был вольным художником, и Инспекция временами прибегала к его услугам. К сожалению, санитарный инспектор слишком поздно узнал Боба, но теперь, по крайней мере, он знал, с кем можно поговорить по душам. Но сначала нужно было заручиться поддержкой Носатого.

Погуляв на всякий случай с час по городу, санитарный инспектор набрал его номер.

– Мне нужно срочно тебя увидеть, – сказал он.

– Через час в Кросс-Парке под памятником, – согласился Носатый.

В Кросс-Парке был только один памятник, заслуживающий внимания, правда, санитарный инспектор не знал, кому и по какому случаю тот был воздвигнут. Когда Паркин пришел на место, Носатый был уже там. Он был в «костюме» тинейджера.

– Привет, – сказал он, – неважно выглядишь.

– Пару часов назад убили моего друга.

– Ты о взрыве в кафе?

Санитарный инспектор кивнул.

– Ты из-за этого меня позвал?

– Хочу навестить виновника этого торжества. Поможешь?

– Все зависит от того, какую роль ты мне хочешь отвести. Я не любитель боевиков.

– Только техническая поддержка.

– Хорошо.

По пятницам убийца Боб встречался с девочками мадам Ли. Они делали все, что ему было нужно, а нужна ему была терпимая боль с легким унижением. С женой у него давно уже были чисто номинальные отношения, так что появление следов на теле его не смущало. За тысячу пиастров – астрономическая сумма для работников сексуального труда, девочки творили настоящие чудеса. В результате их трудов появлялось впечатление, что тебя вмазали чем-то очень крепким и в то же время возвышенным, как кислота, полученная из рук самого Тимоти Лири.

Расставшись с девочками, Боб проваливался в глубокий кайф, длящийся обычно не менее двух часов.

На этот раз его планам не суждено было сбыться. Едва за девочками закрылась дверь, как в комнате (дело было в гостиничном номере) словно из-под земли возникли мальчик лет 12 в костюме бойскаута и пожилая дама в старомодном костюме и огромных очках. В руках у дамы был пистолет.

– Привет, Боб! Тебе же говорили, что нельзя придерживаться определенного распорядка дня, а ты... – укоризненно сказала дама.

– Какого черта вам здесь надо? – выдавил из себя Боб, сознание которого с большим трудом справлялось с ситуацией.

– Взрыв в кафе – твоих рук дело?

– Я не знаю ни о каком кафе!

– Да ладно тебе, Боб, – продолжила дама, садясь к нему на кровать, – я тебя узнал. Ты там был минут за тридцать до взрыва. Я знаю твой почерк, так что... Этот полицейский, которого ты убил, шел на встречу со мной.

– Что?!

Боб выпучил глаза и несколько раз, как рыба на берегу, открыл и закрыл рот.

– Ты не ошибся, Боб, я тот, с кем должен был встретиться полицейский. Так что давай обойдемся без жеманства.

– Вот, блядь! – выругался Боб, немного придя в себя.

– Скажи, Боб, почему ты грохнул его одного? Тебе ведь надо было подождать каких-нибудь пару минут.

– Я должен был сорвать вашу встречу, – Боб громко шмыгнул носом, – но на твоё убийство у меня санкции не было.

– Еще один вопрос, и можешь быть свободен: кто отдал приказ?

– Нильс Мякель, – выложил Боб, понимая, что лучше не юлить.

– Ладно, думаю, свою четверку ты заработал. Держи приз, – дама положила на стол небольшую белую таблетку.

Лицо Боба сначала сделалось белым, а затем покрылось красными пятнами.

– Не бойся, дружище, это не яд, – успокоила его дама. – Санкции на твоё устранение у меня тоже нет. Ты просто забудешь нашу встречу.

Трясущимися руками Боб положил капсулу себе в рот.

– Хороший мальчик... а теперь глотай.

– Нильс Мякель – это человек, решающий проблемы для корпорации Шеппард, – пояснил санитарный инспектор Носатому, когда они вышли на улицу, оставив Боба предаваться своим сексуальным фантазиям.

Корпорация Шеппард была запустившим свои щупальца практически во все сферы человеческой жизнедеятельности монстром. Единственным фактическим владельцем корпорации был Барри Шеппард, которого друзья и завистники называли не иначе, как Президент Шеппард, Император Шеппард или Господь Шеппард. Шеппард почему-то не хотел, чтобы кто-то совал нос в дело «фантомов». И не хотел он этого с активной помощью ГСИ...

– Как ты относишься к охоте? – спросил вдруг санитарный инспектор.

– Все зависит от того, кто будет дичью, – ответил Носатый.

– Барри Шеппард. Знаешь такого?

– Ты хочешь его убить?

– Я хочу понять, почему он так не любит дело «фантомов», что готов из-за него разнести чуть ли не весь город.

– Думаю, я смогу тебе в этом помочь.

– Ты сможешь что-то нарыть после того, как парни Шеппарда замели все следы?

– Знаешь, многие погорели на том, что рассуждали, как ты. На самом деле не так просто полностью уничтожить информацию, которая хоть раз побывала у тебя в компьютере, не говоря уже о той, которая хранилась, пусть даже короткое время, в обширной корпоративной сети.

– Сколько тебе понадобится времени?

– Трудно сказать. Это только в кино хакеры за несколько минут взламывают любую систему. На деле этот процесс может длиться неделями, а иногда и дольше.

Носатому понадобилось чуть больше трех недель, чтобы отыскать и восстановить из пепла нужные файлы. Все это время он фактически жил в главном офисе корпорации – огромном здании, расположенном в деловом центре Манхэттена.

Как и предполагал санитарный инспектор, в Датском королевстве было далеко не все гладко. Несколько приближенных Шеппарда пару лет назад один за другим решили покончить с собой, причем без видимых причин и довольно необычными способами.

Первой ласточкой был Клаус Миллер. Аналитик. Советник Шеппарда по каким-то там вопросам. Жена. Дочка. Гольф. Не был, не привлекался, не состоял. Чист, как хрусталь. Выходец из небогатой семьи. Сделал блестящую карьеру. Быть бы ему правой рукой Шеппарда,

если бы в один прекрасный момент он не умудрился нанести себе с десятков ударов кухонным ножом в живот и грудь.

Следующим стал Генрих Шлиман. Преуспевающий адвокат. Тоже, кстати, из небогатой семьи и тоже добился всего сам. Совпадение? Покончил с собой во время заседания суда – воткнул себе в ухо остро отточенный карандаш.

Третьим был Винсен Ван Торн. Полковник Ван Торн. Гордость вооруженных сил. Отличник всего, чего только можно. Элитное подразделение, боевые операции, награды. САМ удостоил его... Сжег себя заживо в собственном доме. Для Шеппарда он выполнял кое-какую работу в Центральной Америке, Африке и Юго-Восточной Азии.

Завершил череду самоубийств Макс Гровер. Бывший Компаньон Шеппарда. Этот истратил треть состояния на охранные системы. У него хватило бы арсенала для войны с половиной стран третьего мира. Но это не помешало ему выпить пару рюмок концентрированной кислоты.

Шеппарду, скорее всего, объяснили, что он может стать следующим номером в списке самоубийц. Инспекция любит подобные приемы. Стоит тебе, пусть ты даже трижды Шеппард, перейти ей дорогу, и ты либо труп, либо, если тебя посчитают полезным, внештатный сотрудник, работающий ради сохранения своей жизни и жизни близких людей.

– Остается надеяться, что Шеппард – достаточно большой мозоль, чтобы заставить их зашевелиться, – сказал санитарный инспектор, после долгого раздумья.

– Может, прокомментируешь для особо тупых? – спросил Носатый.

– Шеппард слишком заметен, чтобы действительно быть одним из тех, кто заказал эту мелодию. Он никто или хвост ящерицы. Стоит нам потянуть за него, и ящерица ускользнет, оставив в качестве трофея свой бесполезный хвост. Я же хочу взглянуть на ее голову.

– Что ты предлагаешь?

– Для начала стоит заставить Шеппарда запаниковать. Ты займись его домом, а я загляну на пару слов к нему в офис.

День выдался ненастным. С неба летел коктейль из дождя и снега, какими нас нередко угощает природа.

Дождавшись какого-то спешащего бедолагу, санитарный инспектор, он был в своей невидимой ипостаси, прошмыгнул вместе с ним в здание корпорации. Сработал металлодетектор, – инспектор нес с собой целый арсенал, – и опоздавшим клерком занялись охранники.

Теперь надо было дождаться пустого лифта. Несколько квадратных метров были слишком маленькой территорией, чтобы позволить себе подниматься с попутчиком. Ждать пришлось долго – в центральном офисе былолюдно. Наконец, один из лифтов оказался невостребованным, и санитарный инспектор вошел внутрь. Дождавшись, когда закроются двери, он нажал на кнопку верхнего этажа. Офис Шеппарда находился под самой крышей, половину которой занимал его личный сад, где он собственноручно рыхлил землю и пропалывал сорняки. Правда, ему в этом помогали две дюжины садовников.

Добравшись до верхнего этажа, санитарный инспектор зашел в туалет, где активировал цереброчип человека средних лет в хорошем костюме и дорогих туфлях. Тщательно рассмотрев себя в зеркале, он вышел из туалета, прошел по коридору и вошел в приемную Шеппарда, где, словно пчелы, роились секретари. Один из них, угрюмого вида крепыш с мордой уголовника-рецидивиста или аристократа в первом поколении, заступил санитарному инспектору дорогу.

– Простите, сэр, но... – только и успел он сказать. Профессиональным ударом в челюсть санитарный инспектор отправил его в нокаут, затем быстро открыл дверь и вошел в кабинет Шеппарда, с короткоствольным автоматом в одной руке и оборонительной гранатой в другой.

У Шеппарда шло совещание.

– Пошли вон, – приказал санитарный инспектор.

Дважды просить никого не пришлось. Граната сделала сговорчивыми даже охранников.
– Что вам угодно? – спросил Шеппард, стараясь сохранять спокойствие. Надо сказать, он прекрасно держал себя в руках.

– Ты следующий, – сказал санитарный инспектор. Затем он расстрелял из автомата оконное стекло и выбросил чип вместе с автоматом и гранатой. Для всех это выглядело, как нелепое самоубийство с элементом запугивания и мистицизма: тело «смертника» так и не нашли.

Тем же вечером на кортеж Шеппарда было совершено неслыханное нападение буквально перед самым домом. Первая машина сопровождения взлетела на воздух. Ударили пулеметы. Вторая машина охраны превратилась в факел.

Лимузин Шеппарда рванул что есть мочи, протаранив горящую машину, и снеся какой-то хлам. Они практически выбрались из зоны боевых действий, когда сильно грохнуло под колесами, и тяжелую бронированную машину перевернуло вверх ногами. Выскочив из лимузина, Шеппард помчался прочь со скоростью, которой мог бы позавидовать олимпийский бегун. Оказавшись дома и заперев входную дверь, он кинулся к ящику стола и достал примитивный на вид мобильный телефон.

– Алло! Это я! – закричал он в трубку.

– Чего орешь? – услышал он спокойный, слегка меланхоличный голос.

– Меня только что пытались убить!

– Еб твою мать! И ты после этого звонишь! Идиот! Я же тебе говорил...

Шеппард бросил аппарат на пол и принялся его топтать.

– Вот блядь! – выругался санитарный инспектор, наблюдая за Шеппардом по монитору компьютера.

– Не волнуйся, я его засек. Это в черном квартале, – сообщил Носатый.

Следующие две минуты были похожи на репетицию боя сразу с несколькими противниками. Судя по движениям Шеппарда, он неумело отбивался сразу от троих. В конце боя, издав полный страха и отчаяния крик, он запустил стулом в большое зеркало, схватил осколок и с силой вонзил его себе в горло.

«Вот так когда-нибудь они поступят и с тобой», – пронеслось в голове санитарного инспектора, но он поспешил отогнать эту мысль.

В гетто Паркин решил идти один. Там обосновался серьезный противник, для которого убить человека вроде Носатого не представляло никакого труда.

– В этом деле и без тебя достаточно трупов, – сказал санитарный инспектор другу, когда тот вызвался помочь. – Согласись, ты не убийца.

Они крепко обнялись.

Несмотря на всеобщую убогость, гетто выглядело еще ужасней, чем процветающие районы. Похожие на тюрьмы дома, мусор, вонь, изможденные, уродливые люди, похожие на мутировавших в канализации крыс.

Нужный дом сразу бросился в свободные от электронного обмана глаза инспектора. Это была настоящая крепость, с натуральными решетками на окнах, массивной железной дверью и толстыми бетонными стенами. О том, чтобы брать ее штурмом, не могло быть и речи. Осторожно, несмотря на свою невидимость, санитарный инспектор приблизился к дому.

– Привет, – услышал он сзади показавшийся знакомым голос.

В следующее мгновение в лицо обернувшегося санитарного инспектора ударила струя мгновенно парализующего газа.

Очнулся он уже внутри дома-крепости, сидя на специальном, «фирменном» стуле ГСИ. Его голова, руки и ноги были крепко зафиксированы.

– Не бойся, я не стану тебя пытаться или убивать, – услышал он тот же голос. Говорящий находился вне поля зрения Паркина. – Я оставлю тебя здесь до прихода твоих коллег. Игра только начинается. Так что до встречи. Хотя нет, я расскажу тебе одну историю:

Однажды охотник или путешественник нашел в саванне раненого слона. Рискую собой, – слон, это всегда слон, даже если он раненый, – охотник обработал ему раны, принес воды, влил в рот слона немного виски, чтобы у того хватило сил добраться до более подходящего места... Короче, спас жизнь слону. А лет через десять этот человек случайно оказался в цирке, где на арене выступали дрессированные слоны. И вот один из слонов перестал вдруг слушаться дрессировщика. Он бросился в публику, схватил этого мужика хоботом и с силой ударил его об землю. Мужик умер в больнице, так и не придя в сознание. Так вот, это был другой слон.

Глава 23

Каковы были бы ваши ощущения, если бы ваша кошка или собака начали разговаривать с вами человеческим языком? Вас бы поразил ужас, я уверен в этом. А если бы розы в вашем саду запели чудесную песню, вы бы сошли с ума. Или предположите, что камни в мостовой начали раздуваться и расти на ваших глазах, или если галька, которую вы видели ночью, утром дала бы каменистое цветение? Эти примеры могут дать вам некоторое представление о том, что такое настоящий грех.

Артур Мэйчен. «Белый народ».

Камень прыгнул пятнадцать раз, прежде чем уйти на дно. Как ни старался санитарный инспектор, переиграть Благородного Дона ему, да и не только ему, еще не удавалось. Благородный Дон был абсолютным чемпионом ГСИ. Лучше него никто не мог заставить камень прыгать по водной глади.

«Точно так же он поступает и с нами», – подумал санитарный инспектор, глядя на пляску очередного голыша.

С тех пор, как поисковая группа обнаружила санитарного инспектора в состоянии глубокого психоза без денег и документов в одной из Лос-анжелесских ночлежек, прошло шесть с небольшим месяцев. Обычно подобный исход расценивался, как провал, и незадачливый агент навсегда покидал мир живых. Вместо этого Дениса Паркина поместили в элитный госпиталь на берегу Карибского моря. Хороший уход, прекрасное лечение, теплое море и красивые женщины делали свое дело. Появление Благородного Дона означало, что врачи дали добро на его выписку.

– Ты хорошо подумал? – спросил Благородный Дон, выслушав отчет санитарного инспектора, – обвинение руководства ГСИ – дело серьезное. Слишком серьезное, чтобы...

Он не договорил.

– А кто еще мог сделать так, чтобы в Ленске – 8 произошла внештатная ситуация? Чтобы в нужное время всплыл бесследно исчезнувший лаборант, который, ко всему прочему, оказался слишком хорошо осведомленным о том, что происходит за стенами одной из самых секретных лабораторий? Кто мог получить в свое распоряжение одного из «падающих звезд»?

– Это всего лишь домыслы. Для официального обвинения нужны доказательства, – произнес после долгой паузы Благородный Дон.

– Прикажете, и я отыщу их.

– После того, как ты попытался вскрыть себе черепушку бутылочным стеклом, чтобы вытащить из мозгов воображаемый жучок...

– Я был под действием керогена.

– Ты был невменяемым.

– Несмотря на это, вы сохранили мне жизнь.

– Будучи в состоянии психоза, ты умудрился выжить в схватке с серьезным противником, устранить двойного агента, обнаружить исчезновение «падающей звезды». Ты хорошо поработал, парень. И если бы это зависело только от меня, я бы уже сейчас подписал приказ о твоем возвращении на службу, но правила – это правила, и нарушать их я не могу. Ладно, не скучай.

Разговор был окончен. Теперь осталось ждать приговор.

Лучший способ скоротать время – провести его во сне. Поэтому сразу же после ужина санитарный инспектор отправился спать.

Ему приснился огромный черный конь с сигарой во рту. Конь вел армию летучих мышей. Санитарному инспектору когда-то снился этот конь. Раза два. И каждый раз после этого он был

на волосок от смерти. Фактически в образе коня к нему приходила сама смерть. Он знал, что у каждого есть своя смерть. Так к одному его приятелю смерть приходила в образе властной рыжей красавицы в белых одеждах, и после того, как во сне она его увела, приятель погиб. Смертью санитарного инспектора был черный конь, а армия летучих мышей была ожидающими его неприятностями. Конь громко заржал, и санитарный инспектор проснулся.

Кто-то его будил, теребя за плечо. Видя, что он просыпается, будивший в знак необходимости соблюдать тишину закрыл ему ладонью рот. Это был Белый Кролик – человек с татуировками на лице. В темноте его татуировки и губы светились фосфоресцирующим светом. Прежде чем убрать руку с лица санитарного инспектора, он приложил палец к своим губам – международный знак молчания.

– Помоги мне, – беззвучно произнес он своими светящимися в темноте губами.

Санитарный инспектор кивнул. Белый Кролик привел его к входной двери, где лежал какой-то бедолага, ростом и комплекцией похожий на санитарного инспектора. Он был жив, но без сознания.

Вдвоем они перенесли тело в комнату и положили на кровать.

– Уходим, – также беззвучно сказал Белый Кролик.

Стараясь не шуметь, санитарный инспектор надел джинсы, ботинки и рубашку поверх футболки. Затем он забрал деньги – чуть больше двух сотен пиастров. Документы он решил не брать – по ним его могли вычислить через спутник.

Когда санитарный инспектор был готов, Белый Кролик выпрыгнул из коттеджа через окно. Денис Паркин последовал за ним.

Санитарный инспектор прекрасно ориентировался на территории госпиталя. Едва придя в себя, он обследовал здесь каждый закоулок. Эта привычка не раз спасала ему жизнь. Вот и сейчас, когда надо было незаметно выбраться за пределы охраняемой территории, он знал, что надо делать.

Госпиталь окружал высокий забор, поверх которого была протянута колючая проволока под высоким напряжением. Любое повреждение ограждения включало сигнализацию. Теоретически перепрыгнуть через забор можно было, прыгнув, хорошо разбежавшись, с крыши трехэтажной прачечной, стоявшей рядом с забором. Даже для прекрасно обученного санитарного инспектора это был рискованный шаг. Но выбора не было. Не зная еще причины, санитарный инспектор чувствовал, что надо убираться, как можно быстрее.

Едва они забрались на крышу, прогремел взрыв. Коттедж санитарного инспектора вспыхнул, как факел. Началась паника. Медлить было нельзя. Разбежавшись, они одновременно спрыгнули с крыши.

Приземление болью отозвалось во всем теле. «Боль – это всего лишь информация», – вспомнил Паркин, поднимаясь на ноги.

– Сюда, – прошептал Белый Кролик и бросился бежать. Он прекрасно ориентировался на местности, так что санитарному инспектору оставалось просто следовать за ним.

Белый Кролик оказался прекрасным бегуном. Когда впереди показалась железная дорога, у санитарного инспектора перед глазами плясали красные пятна.

– Пять минут, – сказал Кролик и повалился на землю.

Ровно через пять минут появился товарный поезд, идущий по направлению к Мелиополису. На открытых платформах перевозили сельскохозяйственную технику.

– Вперед, – распорядился Кролик.

Они вскочили на ноги, и рванули к поезду, который шел на довольно-таки приличной скорости. Оказавшись на платформе, они забрались в кабину трактора. О лучшем нельзя было и мечтать. Устроившись на сиденье, санитарный инспектор позволил себе расслабиться и обдумать сложившуюся ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.